

Глава 124. Первый гребень — до самых кончиков

У Цзян Тана сердце уже таяло.

Пальцы крепко сжимали ворот одежды. Он боялся, что Фу Линцзюнь вдруг войдёт, и в то же время почему-то с нетерпением ждал, когда увидит его. Голос чуть дрогнул:

— Очень рад.

Фу Линцзюнь пришёл к нему — и он был рад.

Они с Фу Линцзюнем станут спутниками Дао — и он был рад.

Силуэт юноши чётко проступал на оконной бумаге.

Может быть, оттого, что они не виделись всего день, родившаяся в сердце тоска теперь обернулась тонкой сладостью.

А может, всё дело было в слишком мягком свете свечи: падая на юношу, он словно укрывал его тонким сиянием.

Фу Линцзюнь стоял под цветущим деревом, белоснежным, как нефрит, и нежно смотрел на тень за оконной бумагой. Он чувствовал лишь одно: разгорающееся чувство заполняет его до краёв.

Он до безумия хотел увидеть Цзян Тана и, словно зачарованный, подошёл так близко, как только мог. И всё же в последний миг остановился и просто тихо ждал — как самый безусловно воспитанный молодой господин.

— И хорошо, — с улыбкой сказал он.

Лунный свет томно ложился ему на плечи.

Господин Юйань из дворца Гуанлин и вправду был похож на луну в небе: мягкий, ясный, прозрачный. Даже стоя во тьме, он будто сам источал тихое сияние.

Он всегда помнил о мере. Как бы ни был счастлив, перейти границу себе не позволял.

— А то, что ты пришёл сюда... кто-нибудь знает? — спросил Цзян Тан.

Одежда на нём всё ещё сидела кое-как, но он всё равно невольно придвинулся ближе к окну, чтобы отчётливее слышать голос Фу Линцзюня.

— Никто не знает.

В его голосе даже скользнуло едва заметное облегчение оттого, что его так и не заметили.

Цзян Тан представил, как сам господин Юйань среди ночи украдкой уходит от чужих глаз, тайком обходит заднюю гору и пробирается к задней стороне павильона Ланьси, — и не смог сдержать улыбки.

Сама эта картина была, конечно, забавной. Но улыбнуться ему захотелось ещё сильнее потому, что радости в сердце стало слишком много, и она уже не умещалась внутри.

Даже выросший без памяти о любви к нему, его любимый всё равно пронёс эту любовь в самой своей сути.

От этого всё его существо словно наполнялось счастьем, и даже голос невольно зазвенел чуть выше:

— А что ты сегодня делал?

Прислонившись к окну, он спрашивал об этом так, как спрашивают самые обычные влюблённые, — просто и нежно, расспрашивая друг друга о прошедшем дне.

Фу Линцзюнь с редким терпением рассказал ему обо всём, чем занимался с утра до вечера, не упуская ни одной мелочи.

Двух дней было слишком мало. Даже если поднять на ноги весь род Фу, за это время можно лишь с трудом успеть подготовить весь дворец. А ведь через два дня, когда они станут спутниками Дао, на этот пышный пир съедутся все сколько-нибудь значимые заклинатели Люхэ.

Фу Линцзюню ещё нужно было сверить список гостей, проследить, чтобы служанки учили чужие вкусы и запреты, решить, кого куда сажать, а ещё проверить закупку вина, закусок, духовных фруктов и прочего угощения для свадебного пира.

Частью дел он мог бы и не заниматься. Но раз увидеть Цзян Тана ему было нельзя, он предпочитал лучше хлопотать вместе со всеми.

Многих людей из рода, особенно внешних учеников, он прежде видел всего несколько раз и даже толком не помнил их лиц. После этого дня суеты он, однако, запомнил и имя, и облик

каждого.

Каждому из тех, кто трудился не покладая рук, он говорил: «Спасибо за труд». Не только потому, что они старались ради этой свадьбы, но и потому, что именно благодаря им он стал счастлив в мире зеркальных цветов и водяной луны.

Так они и стояли по обе стороны окна, негромко делясь тем, что чувствовали и чем были заняты за день. Больше говорил Фу Линцзюнь, а Цзян Тан слушал очень внимательно.

По сравнению с его суматошным днём у самого Цзян Тана всё прошло куда легче. Почти сразу после того, как он встал утром, госпожа Фу позвала его пить чай и беседовать, а потом он ещё играл с Фу Чэнем.

Казалось бы, ничего особенного, а всё равно Цзян Тан не удержался и принялся рассказывать Фу Линцзюню каждую мелочь.

Ему хотелось говорить с ним ещё и ещё. Хотя, когда он вернулся, устал так, что едва держался на ногах, стоило только начать рассказывать — и усталость почему-то ушла, а сил, наоборот, прибавилось.

— Матушка, наверное, и завтра снова позовёт тебя к себе, — сказал Фу Линцзюнь.

Он и так знал, чем Цзян Тан занимался днём, но всё равно серьёзно выслушал, как тот рассказал обо всём с самого начала.

— Если свадебный наряд окажется не по размеру, завтра скажи об этом матушке.

Цзян Тан ещё даже не примерял свадебный наряд.

И тут он вдруг вспомнил, что всё это время стоял у окна и разговаривал с Фу Линцзюнем, наспех накинув только нижнюю одежду, и только теперь почувствовал, как ему стало неловко.

— Угу, — отозвался он и чуть отступил назад.

Фу Линцзюнь за окном снова рассмеялся. Смех у него был мягкий, благородный и чарующий.

— Тан-Тан, — вдруг позвал он.

Цзян Тана будто пронизал электрический ток. От этих двух простых слогов по коже, начиная с макушки, побежала сладкая дрожь.

Фу Линцзюнь впервые назвал его так.

Домашнее прозвище Тан-Тан он слышал от семьи столько лет, что никогда не придавал ему особого значения. Иногда оно даже казалось ему слишком уж девчачьим, и ему не нравилось, когда родные называли его так при чужих.

Но когда так назвал его Фу Линцзюнь, в сердце у него словно запузырилась сладкая радость, и оно забилось всё быстрее.

— Тан-Тан, — снова позвал Фу Линцзюнь.

Цзян Тан легонько прикусил нижнюю губу и, прислонившись к окну, отозвался:

— М?

Но Фу Линцзюнь будто нарочно его дразнил: дождался ответа и с улыбкой произнёс:

— Уже поздно. Ложись поскорее.

Он услышал голос Цзян Тана, увидел его силуэт — и почувствовал, что тот жгучий жар в сердце наконец чуть утих.

Цзян Тан жалобно смотрел на закрытое окно. Его так и подмывало приоткрыть его хоть на щёлочку и посмотреть на лицо Фу Линцзюня.

Но тот сдержанно держался на расстоянии, не ближе и не дальше, как и подобало господину Юйяню, до конца соблюдая приличия.

— Ты тоже... ложись пораньше, — сказал Цзян Тан.

Он поднял руку и помахал ею, положив ладонь на оконную раму, а потом, испугавшись, что тот мог не заметить, тихонько постучал по окну.

— Хорошо.

Весенний ночной ветер был слишком мягок. Он касался лица Фу Линцзюня так нежно, что в этом тоже было какое-то томление.

Так они и разошлись в ночи, каждый — с тоской по любимому.

Лишь спустя долгое время Цзян Тан смог немного успокоиться после этого радостного трепета. Он не удержался и обеими руками потрогал лицо — оно уже давно пылало.

— Хмф, — тихо фыркнул он, с чуть заносчивой ноткой в голосе. — А раньше ты меня по имени вообще не звал.

Он ведь отлично помнил, как Фу Линцзюнь когда-то прозвал его тупой собакой. Пусть только не думает, что один раз назвал его Тан-Таном — и теперь они в расчёте. Когда-нибудь он непременно заставит его произнести это имя во сто, в тысячу раз больше!

Цзян Тан ещё раз посмотрел на свадебный наряд, сложенный на стуле. Только что он так увлёкся разговором с Фу Линцзюнем, что совсем забыл примерить его и проверить, не жмёт ли.

Он осторожно надел всё по очереди, одну вещь за другой. Хорошо ещё, что сейчас была весна и погода стояла самая подходящая. Если бы пришлось надеть столько слоёв летом, Цзян Тан, наверное, просто упал бы в обморок прямо на месте.

Одежда сидела безупречно.

Переодевшись, он вышел сообщить об этом Фу Син и Фу Юэ. На этот раз они уже не лезли с расспросами, только, увидев на нём свадебный наряд, так и застыли с открытыми ртами, то и дело повторяя, какой он красивый.

Сам Цзян Тан тоже считал, что наряд очень хорош.

Пусть времени было всего два дня, Фу Линцзюнь всё равно отдал ему лучшее из всего, что мог.

И вот после двух шумных, хлопотливых дней, когда весь дворец Гуанлин жил одной этой свадьбой, наконец настал день, когда они с Фу Линцзюнем должны были стать спутниками Дао.

И последний день существования мира зеркальных цветов и водяной луны.

Цзян Тан уснул с сердцем, полным радостного трепета и тихой боли, а наутро его совсем рано разбудили Фу Син и Фу Юэ. Под глазами у него пролегли весьма заметные тёмные круги.

В этот день даже воздух во дворце Гуанлин был пропитан праздничным счастьем и добрыми приметами. Фу Син и Фу Юэ тоже сменили обычную одежду на яркие праздничные наряды — было видно, что они как следует нарядились, прежде чем прийти за ним.

— Сяо Тан, вставай скорее! Тебе ещё переодеваться, причёсываться, а если цвет лица будет плохой, придётся и румяна подправлять. Дел сегодня невпроворот!

Цзян Тан вежливо попросил их подождать снаружи, и Фу Син с Фу Юэ только и оставалось, что стоять у дверей покоев и во весь голос подгонять его.

— Сейчас, уже иду! — крикнул Цзян Тан.

Он быстро поднялся, надел уже примеренный свадебный наряд и только после этого вышел.

Поскольку в этом мире у Цзян Тана не было родных, Фу Линцзюнь придумал ему происхождение как у внешнего ученика из боковой ветви рода Фу, рано оставшегося без родителей.

Цзян Тан мог только порадоваться, что в мире культиваторов к мирским свадебным обычаям всё-таки не относятся слишком строго. Многие обряды здесь без лишних сомнений либо сокращали, либо вообще опускали. Иначе эти два дня он точно не провёл бы так вольготно, а его бы просто замучили родня и друзья, таская туда-сюда без передышки.

До благоприятного часа было ещё далеко.

Фу Линцзюню сперва предстояло принять гостей, прибывших поздравить их, а уже потом, когда подойдёт время, явиться в дворец Ланьси и вместе с ним отправиться на обряд поклонения Небу.

По сути, этот обряд был тем же, чем у мирян считается свадебное поклонение. Фу Син и Фу Юэ уже успели всё ему объяснить: когда придёт время, нужно будет всего лишь при всех гостях обменяться с Фу Линцзюнем прядями волос и принести клятву — на этом всё закончится.

Поэтому Цзян Тан держался довольно расслабленно. Он даже волосы ещё не расчёсывал и просто сидел перед туалетным столиком с распущенными по спине длинными волосами, глядя в пустоту.

Именно этим утром к нему пришёл человек, которого он совсем не ожидал увидеть.

Госпожа Фу.

— Гос... госпожа Фу... — Цзян Тан поспешно поднялся с места и поклонился.

И только опуская голову, вдруг вспомнил, что волосы у него даже не прибраны, и вид от этого совсем неподобающий.

Но госпожа Фу, увидев его с распущенными волосами, не только не рассердилась, а, напротив, мягко улыбнулась, подошла и легко похлопала его по руке:

— К чему такая церемонность?

Теперь Цзян Тан уже не робел перед ней так, как в первую встречу.

Пока Фу Линцзюнь последние два дня хлопотал о свадьбе, Цзян Тан каждый день бегал к госпоже Фу. И чем дольше они проводили время вместе, тем сильнее ему нравилась эта женщина, у которой нежность, казалось, была в самой крови.

Мягкость господина Юйяня вовсе не была врождённой — просто с самого детства рядом с ним был именно такой человек.

— В нашем роду Фу уже давно не было такой большой радости, — сказала госпожа Фу.

В руках у неё была изящная деревянная шкатулка. Она бережно поставила её на стол, открыла, и внутри показался гребень с мягким нефритовым блеском.

Взяв его в руки, она коснулась макушки Цзян Тана с той же нежностью, с какой гладят собственного ребёнка.

— Хороший мальчик, садись.

Цзян Тан перевёл взгляд с гребня в руках госпожи Фу на Фу Син и Фу Юэ и замялся.

Те бешено застреляли глазами, давая понять, что ему нужно поскорее сесть.

Цзян Тан, хоть и не до конца понимал, что происходит, всё же послушно сел. Госпожа Фу не стала садиться, а встала позади него и начала расчёсывать его волосы нефритовым гребнем.

В тот миг, когда зубцы коснулись его головы, всё тело Цзян Тана напряглось.

— Госпожа Фу! — теперь он понял, что она собирается сделать, и совсем растерялся от такого почтения.

Он, конечно, знал, что в старину перед свадьбой был обряд причёсывания. Но, во-первых, это был мир культиваторов, и здешние обычаи сильно отличались от мирских. Во-вторых, в этом мире у него и правда не было родных, а такой обряд должен был проводить старший из семьи, чья жизнь сложилась счастливо и благополучно.

Поэтому, сидя в ожидании благоприятного часа, Цзян Тан и подумать не мог, что госпожа Фу придёт причёсывать его сама.

Госпожа Фу мягко положила ладонь ему на макушку, и голос у неё был тёплый и ласковый:

— С этого дня ты для меня такой же сын, как и Шэн-эр. Раз так, позволь уж мне, как матери, один раз причесать тебя перед свадьбой.

Её движения были такими лёгкими — словно на волосы опустилось одно-единственное пёрышко.

По всему телу Цзян Тана побежали тонкие, частые мурашки. Он понимал, что, наверное, не должен так поддаваться, но перед этой нежностью всё равно сдался. Послушно сидя перед зеркалом, он смотрел на отражение госпожи Фу и своё собственное.

— Первый гребень — до самых кончиков.

Нефритовый гребень медленно прошёл от макушки до самого конца волос.

— Второй гребень — до белых висков, вместе, бок о бок.

Как и голос госпожи Фу, гребень почти не касался кожи, но всё равно оставлял после себя едва уловимое ощущение прикосновения.

— Третий гребень — на многие благословения и долгую жизнь.

— Четвёртый гребень — на вечную супружескую гармонию.

— ...

— Девятый гребень — чтобы стол всегда ломился от угощений.

— Десятый гребень — чтобы не было ни единого запрета и дурной приметы.

Закончив, она ловко собрала волосы Цзян Тана в простой свадебный узел и закрепила его нефритовой короной.

— Шэн-эр очень тебя любит, — сказала госпожа Фу. В её глазах блеснули слёзы. — Если порой он слишком немногословен, значит, просто устал, а не нарочно тебя игнорирует.

— Иногда он кажется холодным, но на самом деле сердце у него мягкое.

— Очень многое он носит в себе и не говорит вслух. Если же всё-таки готов открыть это тебе,

значит, считает тебя самым дорогим человеком на свете.

— С самого детства он почти не доставлял мне хлопот, и теперь, когда он женится на тебе, мне тоже спокойно.

— Вы должны жить хорошо. И сейчас, и потом.

Когда она говорила, голос её едва заметно дрожал.

Слушая до конца, Цзян Тан смутно почувствовал, что в этих словах есть что-то странное. Но задуматься об этом как следует он не успел — настал благоприятный час.

Фу Син и Фу Юэ со смехом подтолкнули его к дверям. За порогом уже стоял шум и гам: повсюду раздавались радостные голоса.

Фу Линцзюнь в ярко-красном свадебном наряде совсем не походил на того мягкого, нефритово-чистого человека, каким его привыкли видеть каждый день. Сейчас он скорее казался юным господином в расцвете сил. С улыбкой на лице, окружённый толпой людей, он подошёл и взял Цзян Тана за руку.

<http://bllate.org/book/17032/1723206>